

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

CLASSE DES SCIENCES
LITTÉRAIRES ET LINGUISTIQUES

ТОМ III

ВЫПУСК 2 - 3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1944 MOSCOU

Д. С. ЛИХАЧЕВ

НОВГОРОДСКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ XII в.¹

(Автореферат)

В исследованиях историков и историков литературы неоднократно отмечались оригинальные, специфически «новгородские» черты летописания Великого Новгорода: краткость, сухость, деловитость стиля, узко-местные интересы летописца и т. д. (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, М. Н. Сперанский, А. Е. Пресняков и др.). В исследованиях лингвистов отмечалось также широкое проникновение в новгородское летописание (по преимуществу в Синодальном списке I Новгородской летописи) форм живого разговорного языка, диалектизмов деловой речи и т. д. (И. И. Срезневский, П. Лавровский, Б. М. Ляпунов, Е. С. Истрина).

Задачей реферируемого исследования является выяснение тех фактов истории новгородского летописания, которые привели к установлению его особенностей. Автор приходит к выводу, что наибольшее значение в оформлении областных черт новгородского летописания имел XII в., когда в Новгороде совершается политический переворот, с которым связывается образование большинства основных новгородских «республиканских» учреждений, составляющих отличительную особенность Новгородского политического устройства, допускавшего интенсивное проникновение «демократических» начал в искусство и книжность.

В общих чертах история новгородского летописания XII в. восстанавливается автором в следующем виде.

До 1117 г. в Новгороде княжил старший сын Владимира Мономаха Мстислав. После отъезда Мстислава из Новгорода в Белгород в Киево-печерском монастыре (а возможно и в «княжом» Выдубецком²) при участии какого-то из бывших вместе с Мстиславом в Новгороде книжников в начале 1119 г., как предполагает акад. А. А. Шахматов, составляется последняя — третья — редакция «Повести временных лет».

Мстислава сменяет в Новгороде его сын Всеволод Мстиславич (1118—1136 гг.). Верный традициям дома Мономаха, Всеволод оказывает в Новгороде особое покровительство летописанию. Летопись своего отца Мстислава «Повесть временных лет» в третьей редакции, особенно внимательную к событиям новгородской жизни начала XII в., Всеволод соединяет в Новгороде с новгородской летописью, погодные записи которой начали составлять еще в XI в.

¹ Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук.

² Соображения в пользу последнего места составления третьей редакции «Повести» см. в I т. Истории русской литературы в статье В. Л. Комаровича (Л. 1940, стр. 280).

У нас нет данных для полного и точного представления об этом своде. Свод Всеволода подвергался в Новгороде суровой ревизии при еп. Нифонте, после которой в последующих летописных сводах от него сохранились лишь ничтожные остатки. Тем не менее новгородское летописание последующих веков ясно обнаруживает в своем составе именно эту третью редакцию «Повести временных лет» в некоторых известиях 1107—1117 гг. Этот свод Всеволода составлен не ранее 1119 г. (год составления третьей редакции «Повести временных лет») и не позднее 1136 г. (год изгнания Всеволода и год составления нового новгородского свода, в который свод Всеволода вошел как составная часть). Точнее датировать свод Всеволода не удастся, но ввиду того, что после 1132 г. власть Всеволода в Новгороде чрезвычайно пошатнулась, можно думать, что свод этот составлен до 1132 г.

Судя по тому, что в Новгороде в первой трети XII в. было довольно обычным привлекать для выполнения разного рода книжных предприятий киевлян, можно думать, что и третий летописный свод дома Мономаха — свод Всеволода Мстиславича Новгородского был выполнен киевлянином, сохранившим литературно-законченную манеру киевского летописания и отразившим новгородскую стилистическую манеру лишь в известиях, заимствованных из новгородских летописей XI в.

Дальнейшая летописная работа в Новгороде в чрезвычайно сильной степени зависит от политических событий новгородской жизни половины XII в. История Новгорода в XII в. чревата бурными социальными потрясениями, приведшими к установлению в 1136 г. нового республиканского строя, в общих чертах удержавшегося до конца XV в. Социальное движение смердов, ремесленников и купцов в Новгороде завершилось в конечном счете своеобразной государственной организацией с олигархической купеческо-боярской верхушкой во главе. Князь теряет свои права, земельные владения и принужден удалиться сперва из Детинца, а затем и из пределов города на так называемое Городище, в двух «поприщах» от Новгорода. Новым хозяином Детинца становится новгородский епископ, к которому переходит и большинство земельных владений князя, превративших епископа в могущественнейшего феодала области.

Став во главе Новгородского государства, добившегося некоторой независимости от киевского великого князя, епископ всячески пытается сбросить с себя также зависимость и от киевского митрополита, стремясь к непосредственному (помимо митрополита) подчинению греческому патриарху. Как устанавливает автор, епископ Нифонт, принимавший активное участие в изгнании Всеволода и в установлении новых политических порядков в Новгороде, является первым новгородским архиепископом (а не архиепископ Иоанн). Именно Нифонту принадлежит установление оригинальной системы выборов новгородских архиепископов, фактически устранившей киевского митрополита от участия в делах новгородской церкви.

Переворот 1136 г. и изгнание Всеволода вызвали в том же 1136 г. необходимость пересмотра летописного свода Всеволода. В 1136 г. домостик Антониева монастыря Кирик, один из приближенных Нифонта, составляет работу по хронологии, подсобного для ведения летописи характера: «Учение им же ведати числа всех лет» и в том же 1136 г. принимает участие в летописании, составляя летописную статью 1136 г., в которой изображает прибытие в Новгород князя-изгоя Святослава Ольговича как наступление новой эры в политической жизни Новгорода.

Участие Кирика в Новгородском летописании этим не ограничивается; следы работы Кирика видны в записи 1137 г. и в некоторых других, где Кирик проявляет интересы, общие с теми, которые были проявлены им в другой его работе — в известных канонических «Вопрошаниях».

Из анализа текста Синодального списка Новгородской I летописи, а также Новгородской I младшего свода и Новгородской IV вытекает, что одновременно с этим первоначальным вмешательством Кирика в новгородскую летопись был выполнен и широко задуманный пересмотр всего летописного свода Всеволода по Киевскому Начальному своду. Политический смысл этого пересмотра заключался в том, чтобы заменить в начале новгородского летописания княжью монашью «Повесть временных лет» в третьей редакции оппозиционной по отношению к княжеской власти летописью Киево-Печерского монастыря — Начальным сводом 1095 г.

Новый свод был задуман постриженником Киево-Печерского монастыря новгородским архиепископом Нифонтом, знавшим политический характер печерского Начального свода, знавшим, что Начальный свод использовал в своем составе новгородские летописи XI в. и что, следовательно, свод этот в некоторой мере отразил историю Новгорода XI в.

Как известно из работ акад. А. А. Шахматова, оппозиционность Начального свода по отношению к княжеской власти получила яркое отражение в предисловии к нему, которое впоследствии при переработке состава Начального свода для «Повести временных лет» было выброшено. В этом предисловии были высказаны по отношению к князьям резкие упреки в «несытстве», в алчности, в притеснении людей вирами, продажами и т. д.

Упреки эти были как нельзя более своевременны в Новгороде XII в., когда один за другим отбирались у новгородского князя его доходы, конфисковались земли и урезывались права. Этому урезыванию княжеских прав и доходов предшествовала, очевидно, соответствующая пропаганда, для которой серьезный материал представляло предисловие Начального свода.

Назвав новый владыческий свод «Софийским временником» в подражание названию Начального свода «Временник Русской земли» и увековечив, таким образом, в этом названии новый, недавно перешедший из владений князя центр политической жизни Новгорода — Софию, Нифонт сохранил в начале своего свода и киевское предисловие. Таким образом, так называемый «Софийский временник» составлен не в 1421 г. и не в 1434 г., как предполагал А. А. Шахматов, и не в самом начале XIII в., как думал И. П. Сенигов, когда его антикняжеский характер не мог иметь особого смысла, а в 30-х годах XII в. в связи с политическим переворотом 1136 г. и отныне стал традиционным началом всех летописных сводов архиепископского двора.

Предисловие Киевского Начального свода не дошло до нас в «Софийском временнике» в полном виде. Как можно видеть на основании сопоставления этого предисловия с заключительной частью Начального свода, в нем должны были находиться упреки князьям в междоусобицах и в недостаточно крепком отпоре степным кочевникам. Упреки эти чрезвычайно существенны для Начального свода. Текстологически пропуск этих упреков доказывается сопоставлением статьи 1093 г. Начального свода с повлиявшим на нее местом предисловия Начального свода. Пропуски эти в предисловии были сделаны на новгородской

почве, в процессе политического приспособления предисловия Начального свода к «Софийскому временнику». Необходимость этих пропусков диктовались не только тем, что борьба со степью не имела для Новгорода существенного значения, но и тем еще, что Новгород ни в коей мере не был заинтересован в сильной княжеской власти, в чем как раз нуждался Киев. Оппозиционное отношение к княжеской власти в Новгороде в 30-х годах XII в. и в Киеве в конце XI в. было принципиально различным. Киевское княжество нуждалось для своей защиты от напора степи в крепкой княжеской власти, способной организовать активную оборону. Упреки князьям в Начальном своде были упреками в слабости. Новгород же был заинтересован как раз в ослаблении княжеской власти, в ослаблении зависимости от Киева. Отсюда ясно, почему предисловие «Софийского временника» сохранило в своем составе только то из предисловия Начального свода, что не противоречило в XII в. непосредственным интересам новгородцев.

Небольшая вставка в начале предисловия: «преже Новъгородская волость и потомъ Киевская...» предназначалась для смягчения слишком «киевского» характера предисловия, а кстати, выражала и любимую мысль новгородцев времен независимости: «а Новгород великий старейшинство иметь княжению во всей Русьской земли» (Лаврентьевская летопись, 1206 г.).

Переработанное таким образом предисловие Начального свода открыло собой новый летописный свод Нифонта, сохраняясь на челе летописания Новгорода в течение всего периода его независимости.

Как устанавливается анализом текста Синодального списка Новгородской I летописи, переработка свода Всеволода по Начальному своду была доведена до 1074 г. Причина этому заключается не в том, что в Новгороде случайно «нашелся» дефектный экземпляр Начального свода, обрывавшийся на этом годе (как предполагает А. А. Шахматов), а в том, что на 1074 г. прекращались новгородские известия в Начальном своде, и последний не мог уже служить основанием для реконструкции новгородского летописания. Начиная с этого года, летописец Нифонта вынужден был обратиться к отвергнутому им первоначально своду Всеволода, в котором известия новгородской летописи XI в. были соединены с известиями «Повести временных лет» в третьей редакции.

Воспользовавшись сводом Всеволода, новгородский летописец, однако, весьма основательно его сократил. Оттого новгородские известия этой поры отличаются той чрезмерной, пресловутой краткостью, которая приводила в недоумение изучавших Новгородские летописи.

Таким образом, не только позднейшие новгородские летописи, восходящие к сводам Евфимия II, обладали антикняжеским предисловием Начального свода, но и Синодальный список в своей утраченной части заключал в себе текст этого предисловия. Утраченная и сохранившаяся части Синодального списка представляют собой сокращенный текст «Софийского временника», созданного при Нифонте.

Итак, свод Нифонта, «Софийский временник», отразился во всех из известных нам новгородских летописей, в том числе и в Синодальном списке Новгородской I летописи. Жестокое сокращение, которому подверглось в нем предшествующее летописание Новгорода, явилось причиной того странного и, казалось бы, необъяснимого отсутствия в Новгородском летописании многих новгородских сведений XI в., существование которых тем не менее явствует из Киевских летописных сводов XI в., где они нашли себе частичное отражение. Новгородские

события XI в. лучше и полнее представлены в Киевских летописях, чем в Новгородских.

Изменился ли характер новгородского летописания со сводом Нифонта? Затруднение с ответом на этот вопрос возникает в связи с тем, что предшествующее своду Нифонта летописание подверглось в последнем коренной переработке и поэтому недостаточно известно. Мы можем, однако, отметить в новгородской летописи середины XII в. ряд моментов, которых не могло быть в своде Всеволода: сюда относится недоброжелательное изображение ухода Всеволода из Новгорода в 1132 г., исключительное внимание летописца к Нифонту и ряд несочувственных изображений действий князей.

Сравнивая новгородское летописание середины XII в. с киевским, владимирским, галицко-волынским и др., удается установить его резко отличный от последних характер — в стиле, в тематике и в языке.

Начиная, приблизительно, с 20-х годов XII в., т. е. с того времени, о котором составитель свода Нифонта мог уже писать по памяти, не опираясь на предшествующие летописные записи, Новгородская летопись уделяет все большее и большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. д. Это внимание к таким темам, которые редко и только вскользь затрагивались в летописях других городов, объясняется общей демократизацией летописания в период новгородской республики. Летописец интересуется прежде всего теми событиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды. С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает всякое повышение цен на хлеб и описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы. Новгородский летописец не забывает отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастье.

Наряду с демократизацией содержания летописных записей, демократизируется их язык и стиль. Проникновение разговорных элементов, диалектизмов в язык новгородской летописи неоднократно отмечалось исследователями языка Синодального списка Новгородской I летописи (Б. М. Ляпунов, Е. С. Истрина).

Демократизация Новгородской летописи в половине XII в. объясняется общей демократизацией новгородской общественной жизни, особенно резко сказавшейся после восстания 1136 г. Вече, выборное начало, концы, улицы и сотни постепенно начинают играть все большую роль в новгородской жизни. Олигархическая верхушка новгородского общества, захватившая в Новгороде власть благодаря восстанию 1136 г., вынуждена до поры до времени идти навстречу этому напору демократических сил в Новгороде.

В связи с политическим положением Новгорода находится и другая особенность новгородского летописания — его юридический, документальный характер.

Вполне понятно, что именно областные тенденции Новгорода развивали юридическую сторону летописи. Эти местные интересы заставляли искать в летописи прежде всего документ, основание своей независимости. Это юридическое значение летописи принималось во внимание при составлении новгородских сводов, определяло их состав и характер. Характер новгородского свода Нифонта, его стиль и содержание в значительной мере зависят от личности его составителя — доместика Антониева монастыря Кирика, автора подготовительной для летописания

хронологической работы «Учение им же ведати числа всех лет» и известных канонических «Вопрошаний», частично обращенных к инициатору свода и главе новгородского правительства Нифонту. С этой точки зрения является существенной устанавливаемая в исследовании связь языка, стиля и характера интересов летописного свода Нифонта с языком, стилем и характером содержания канонических «Вопрошаний» Кирика. И новгородская летопись середины XII в. и «Вопрошания» вводят в письменную речь ряд бытовых, просторечных выражений, терминов, понятий и обиходных названий, синтаксических оборотов (пропуск сказуемого или подлежащего) и т. д. В своем интересе к быту, к конкретным деталям обихода жителей Новгорода «Вопрошания» Кирика представляют разительный контраст с предшествующими им аналогичными каноническими ответами Иоанна II (1080—1089 г.), тематика которых традиционна. Нельзя не сопоставить этот интерес к быту в «Вопрошаниях» Кирика с таким же вниманием к быту в переработанной тем же Кириком Новгородской летописи XII в. И тут и там сказывается рука одного автора. Не случайным оказывается и то, что новгородская летопись в XII в. отмечает целый ряд событий, представляющих разве лишь канонический интерес (крещение Ярославом костей своих предков, запрещение Нифонта отпевать утонувших в Волхове двух попов; ср. в «Вопрошаниях» вопросы о том, в каких случаях нельзя отпевать умершего или крестить).

Нельзя считать, однако, что введение в новгородскую летопись деловой, юридической речи было предпринято Кириком сознательно. Наоборот, мы можем предполагать о неудачной, правда, попытке Кирика придать отнюдь не просторечную торжественность своим записям. В самом деле, свод Нифонта так же, как и свод Всеволода, покоился на киевском летописании и не вносил новых черт в заимствованную часть летописи. Дальнейшие записи, сделанные во времена Нифонта, резко отличаются от Начального свода в стилистическом отношении, однако в некоторых своих частях и они испытывают на себе влияние стиля киевского летописания.

К чертам этого влияния должно быть отнесено излюбленное в летописном языке, но чуждое деловой, юридической прозе и живой народной речи, употребление оборотов с дательным самостоятельным. Наибольшей книжностью и нарочитой ученостью отличается принадлежащая Кирику летописная статья 1136 г., с которой начиналось изображение водворения в Новгороде нового политического порядка. Она же дает и наиболее типичный случай употребления дательного самостоятельного: «Том же лете наставъшу, индикта 15, убиша Гюргя Жиро-славиця...» (Новг. I по Синод. сп., 1880, стр. 129).

Значительно более яркой в стилистическом преобразовании новгородского летописания была роль составителя свода церкви Якова — попа Германа Вояты. Свод Германа Вояты представляет собой любопытнейшее явление в истории русского областного летописания, свидетельствующее о чрезвычайном распространении в XII в. летописной работы.

Свод этот принадлежит новгородской церкви Якова в Неревском конце. Церковь Якова, как мы можем предполагать на основании ряда данных, основана в память победы новгородцев над полоцким князем Всеславом, одержанной в Неревском конце Новгорода 23 октября 1069 г. «на святого Якова брата Господня» и, следовательно, отчасти связана с борьбой Новгорода за свою независимость. Судя по тому, что ее настоятель был поставлен Нифонтом в попы (1144 г.), сопровождал Нифонта

в его поездке в Псков и был погребен в Нифонтовском же Спасо-Мирожском монастыре, а также по тому, что в Неревском конце позднее располагались архиепископские владения, церковь Якова, очевидно, имела ближайшее отношение к дому св. Софии. Вместе с тем церковь Якова на Яковлевой улице была церковью уличной и, следовательно, объединяла в своих стенах корпорацию уличан.

Это положение церкви Якова между Софийским двором, с одной стороны, и организацией уличан — с другой, позволило ей стать в ближайшее отношение к софийскому летописанию и быть проводником в новгородском летописании демократических тенденций.

Путем сличения текстов Синодального списка Новгородской I летописи, младшего извода Новгородской I летописи, Новгородской IV летописи и Тверского сборника удается восстановить летописную работу Германа Вояты, сделанную им над текстом владычной летописи («Софийского временника»).

Герман Воята — составитель свода церкви Якова — не имел под рукой иных летописей, кроме владычной. Он дополнял летописные статьи свода Нифонта своими записями, либо, наоборот, свои записи дополнял летописными статьями владычной летописи.

Вставки Германа Вояты делаются часто от первого лица, во многих из них он проявляет интересы городского обывателя, сообщая городские слухи, сведения об уличных происшествиях, о погоде, о сене, о дровах, об урожае, о состоянии воды в Волхове, о поломках и починках моста через Волхов, о раннем грома и поздно стоящей дождливой погоде (до Яковлева дня). Летопись церкви Якова, благодаря этим вставкам приобретает получастный, полуофициальный характер.

Так, например, под 1138 г. Герман Воята записывает, что 8 марта «бысть гром велий, яко слышахом чисто в истьбе сидяще». В тот же год 23 апреля «пополошишася люды: сългаша бо, яко Святопѣлк у города с плъсковица; и высушася всь город к Сильницю, и не бы ничтоже». В стилистическом отношении очень интересна запись 1143 г., в некоторых своих частях передающая даже короткий ритм устной речи («стояша вся осенина дъждева, от госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжчь»). Те же обороты живой устной речи сказываются и в других записях Вояты. Герман Воята употребляет такие чисто народные выражения, как «ясны дни», «слышахом чисто», «переже жатвы», «сена не уделаша». Небезынтересна и сама лексика Вояты, редкая в книжной речи: «осенина», «дождева», «знатба» и т. д. Обращает на себя также внимание в записях Германа Вояты замена для определения времени под 1143 г. христианского Филиппова заговенья языческим «Корочюном» как один из признаков тесной связи Вояты с двоеверными низами новгородского населения. Автобиографическая заметка Вояты под 1144 г. о своем поставлении в попы придает его записям отчасти характер личного дневника. Это обстоятельство, а также само положение летописи церкви Якова, открытой для всяких влияний уличанской организации, имело, очевидно, существенное значение в общей демократизации языка, стиля и содержания новгородского летописания церкви Якова.

Было ли, однако, обращение к иному стилю летописания в половине XII в. результатом коренной реформы литературного языка? Разрешению этого вопроса в значительной мере помогло бы исследование связей языка Русской Правды с языком новгородского летописания. Акад. С. П. Обнорский в работе «Русская Правда, как памятник русского

литературного языка» (ИОН, 1934, № 10) считает язык Русской Правды древнейшим свидетельством русского литературного языка. Этот русский литературный язык — русский в своей основе, без влияния болгарского — возник в Новгороде (стр. 776).

Обращение новгородской летописи к русскому по своей природе языку, с минимальным количеством славянизмов, не было ли возвращением к старому русскому литературному языку, на основе которого была создана на севере—в Новгороде—Русская Правда? Традиция этого русского литературного языка могла в Новгороде не прерываться в юридической речи, хорошо знакомой и Кирику и Герману Вояте, выполнявшему дипломатические поручения Нифонта. Конечно, за век, прошедший со времени возникновения Русской Правды, многое изменилось в литературном языке русского севера, но осталось основное: преимущественное обращение новгородской летописи к чисто русскому языку и деловой, юридической речи. Обращение новгородской летописи к языку Русской Правды могло быть возвращением к языку древнейшей поры еще до влияния на него славянской книжной речи. Такое движение литературной речи Новгорода совпало бы и с движением политической мысли того времени, поскольку новгородцы в доказательствах своего права на независимость опирались на старую традицию и на знаменитые «Ярославовы грамоты», в число которых, возможно, входила и Русская Правда. Лексические совпадения в языке Русской Правды с языком Синодального списка Новгородской I летописи (например «орудие» в значении «дело», «занятие») указывают на близость литературного языка обоих памятников. Однако детальное исследование этого вопроса должно составить содержание чисто лингвистических исследований.

Свод Нифонта, составленный Кириком, и свод Вояты были теми русскими летописными сводами, в которых впервые сильнее всего сказался областной, местный и демократический характер новгородского летописания.

* * *

То же проникновение народных, демократических начал отчетливо сказывается во всех областях культурной жизни Новгорода середины XII в., когда организации жителей улиц, концов и сотни начинают играть значительную роль в новгородском государстве. Чрезвычайно существенным для всего новгородского культурного развития представляется то, что улицы и концы выступают с половины XII в. в качестве инициаторов различных культурных предприятий. В 1165 г. шестициници, т. е. жители Шестичинской улицы, ставят церковь «Святые Троицы»;¹ в 1185 г. лукиници, т. е. жители Лукиной улицы, ставят церковь Петра и Павла на Синичьей горе² и др. Организация уличан принимает активное участие в развитии книжности и в переписывании рукописей. Так, например, Пролог 1390 г. был написан «повелением... всех бояр и всей улицы Кузмодемьяне»³. Создаются и новые формы осуществления общественных предприятий. Начиная с середины XII в. в Новгороде все более или менее крупные предприятия осуществляются «дружинами» —

¹ Новгород. I летоп. по Синод. сп., изд. 1888 г. стр. 145.

² Там же, стр. 160.

³ Известия АН, VI, стр. 35.

артелями. Характерно, что церковь Нередицы расписывали не менее 10 мастеров одновременно.

В связи с этим заметно иные, более «демократические» формы приобретает и живопись, и в особенности новгородская архитектура XII в. Новгородское строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, укороченного храма, более упрощенного типа и меньших размеров, сравнительно с грандиозными княжескими соборами предшествующей поры. В отличие от церквей княжеской постройки с резким разделением молящихся на привилегированных, «избранных», и остальную массу молящихся новые церкви не разделяют молящихся. Князья строили церкви с обширными, сильно освещенными каменными хорами, на которых помещалась княжеская семья и приближенные. Новые же, возводимые со второй половины XII в. церкви имеют скромные деревянные хоры служебного значения. Сокращение размеров вновь воздвигаемых храмов отнюдь нельзя рассматривать как упадок зодчества: княжеские постройки предшествующей поры были сравнительно редки, церквей же нового типа воздвигается огромное количество, ими обрастает Новгород, и именно они организуют его своеобразный архитектурный облик.

Народные начала сказываются и в стиле рисунков на страницах новгородских рукописей XII в. и в стиле новгородских фресок.

Историки русского искусства и книжности, ссылавшиеся на пример Новгорода для доказательства постепенного культурного спада, начавшегося якобы в древней Руси еще до татаро-монгольского завоевания, основывали свои взгляды на неправильном представлении о культурной жизни Новгорода в XII в.

В середине XII в. в Новгороде усиленными темпами происходит процесс общей демократизации культурной жизни и проникновения культуры господствующих классов в народные массы. Этот процесс в равной мере характерен и для новгородского искусства и для новгородского летописания. Сам по себе он является достаточно ярким примером творческих сил и возможностей русской культуры накануне нашествия монголов.